

ДЖИНА
ШЭЙ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Руки прочь,
ПРОФЕССОР

Джина Шэй
Руки прочь, профессор
Серия «Декан и холера», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67843725

SelfPub; 2022

Аннотация

Что должен сделать порядочный профессор, узнав, что его студентка работает стриптизершей? Использовать любую возможность, чтобы спасти душу этой несчастной! Выгнать её из универа, когда не получится! Ни в коем случае не искушаться её длинными стройными ногами...

Что делать, если мне достался непорядочный профессор?
Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Мой враг, моя тайна	4
2. Защитник	21
3. Его точка зрения	35
4. Скажи мне, кто твой брат...	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джина Шэй

Руки прочь, профессор

1. Мой враг, моя тайна

– Эй, детка, сколько хочешь за то, чтоб покрутиться на моем шесте?

Сальный выкрик сменяет неприятный хохот пьяненьких ублюдков. Уши режет.

Я заставляю себя не слышать голоса, слушать музыку. А не слушать, так хоть вспоминать...

Гибкое тело, блестящий купальник принцессы Леи и две завитушки волос по бокам. Из роскоши, доступной мне – золотая маска на пол-лица.

Я хотела на все лицо, но Марк – хозяин клуба – сказал, что с такими условиями я могу валить искать другую работу. Он не будет тратить свое время на стриптизершу, которая хочет показывать только тело.

– Пойми, киса, – он объяснил тогда снисходительно, – всем похрен на твои глаза, но не похрен на губы. Да, представь себе, наши клиенты хотят видеть рты девочек. Губки, на которые они хотели бы кончить. Хочешь скрывать лицо – иди в веб-кам. Там не важна эстетика, зато нужно уметь делать десять сквиртов на камеру за час. Сможешь?

Я не стала уточнять, что такое сквирт. Побоялась... Не пройти собеседование.

Золотую масочку он мне все-таки разрешил, но я в ней сомневалась. Бестолковая она была. Маска для антуража, не для того, чтобы хоть как-то защитить меня. Нет.

Все сейчас смотрят на меня и видят. И хотят. Судя по количеству летящего на подиум бабла – очень хотят.

Думать об этом тошно. Но реальности похрен на мою дурноту, не закончу номер – не получу денег. А деньги мне пиздец как нужны. Много!

Я научилась никого не видеть. Никого не слышать. Посвящать себя только танцу, твердому шесту, единственной своей точке опоры.

Ох, папа, папа...

Помню, как записалась на стрип-пластику вместо балета. Хотела тебе досадить.

Такая дура. Сейчас все бы отдала, лишь бы ты был жив. И вела бы себя как пай-девочка. И точно знаю – что узнав, чем я сейчас зарабатываю, ты – отлупил бы меня до синяков, даром, что дочка уже на третьем курсе института учится. И я бы вытерпела, правда-правда.

Лишь бы всего этого не было.

– Умница, Цыпа, – одобрительно роняет Марк, когда я прохожу мимо него к гримерке. Пытается хлопнуть меня по заднице, но я вертлявая – уворачиваюсь.

– Золотая у тебя задница, Цыпа, – слышу вслед, – дай по-

держаться на счастье.

Поднимаю над плечом средний палец.

Марк бесит, хоть и не самый сволочной мудака в моей жизни. И пусть его комиссия – больше на двадцать процентов, чем у других владельцев стрип-клубов, но Марк хотя бы не заставляет спать с клиентами. Ну, то есть другие девочки, конечно, трахаются, за “чаевые”, но можно и без этого. Мне это было важно. Потому что... Ну...

Должна же быть черта у падения, да? Красная линия, за которую не переходишь.

В гримерке становится чуть лучше. Тут правда теснота, на десять квадратных метров – семь баб по пуфикам, пудрятся, красятся, пошлят.

– А ты видела этого, качка из-за седьмого столика? Знаешь какой у него член? Семь сантиметров.

– Гонишь. Я у него на коленях сидела. Там прекрасный конский размер.

– Просто Линка у нас плохо старалась, вот и не встало у него, – хохочет Тома, смывающая с себя поплывший макияж гейши. Тома у нас на сцене Моника. Ну, не мне придишаться, я у нас тоже на сцене Лея, а не Катя.

Со всех сторон раздаются ехидные смешки.

– Да нет, правду вам говорю, – вопит раскрасневшаяся Линка, – я вчера весь вечер его в привате обрабатывала, там сморчок.

Я нетерпеливо поглядываю на время. С Марком у меня

договор, если за полчаса после выхода на сцену про меня никто не спросит, значит – я могу идти домой. Точнее – получать расчет за сегодня и идти в свою общагу.

И мне уже не терпится избавиться от этих тонких лямок, которые красиво именуются моим “костюмом для выступлений”. Спрятаться в огромную толстовку, смыть вызывающий макияж, заделать волосы в хвост, надвинуть кепку на глаза, бегом пролететь два квартала от клуба и только там вызвать такси. Чтобы никто не догадался, даже не подумал, чем я зарабатываю.

В уведомлениях всплывает – “оплатить клинику до послезавтра”. Два дня осталось. Надеюсь, Марк сейчас порадует меня хорошим гонораром. Потому что иных способов достать пятьдесят штук за два дня я просто не знаю. Ну, зря, что ли, я выпрашивала у него это время в самый пик вечера?

В СМС-ках непрочитанное от неизвестного абонента.

“Надо поговорить, сестрица”.

“Иди на хер” – отбиваю кратко, сохраняю контакт как “Урод 19”, блочу и этот номер. После того, что мой драгоценный братец сделал с моей жизнью – говорить я соглашусь только с его телом в гробу.

Это он проиграл нашу квартиру, которую мама сдуру переписала на него.

Это из-за него мать уже полгода лежит парализованным овощем, и ради её лечения я пошла на то, от чего теперь всю жизнь не отмоюсь.

– Эй, принцесса, – Тома-Моника щелкает пальцами у меня перед носом, – Марк тебя зовет, спускайся с небес.

– Ишь ты, чего захотела, – хихикает Линка, – Катька у нас звезда. Будет она спускаться до нас, грязных шлюх.

Никогда не говорила им ни слова по поводу всех их развлечений и “подработок”. А вот им до меня дело почему-то есть. И до того, что я в этом клубе только танцую – тоже.

– Ну и зря, – хмыкает Моника, – глядишь, поумерила бы свой гонор, стала бы посговорчивей к клиентам, и не пришлось бы столько пахать за гроши. Сколько ей предлагал тот красавчик? Двадцать штук за ночь?

Вспоминаю “красавчика” – мужика с залысинами и пузом. Передергиваюсь. Да будь он даже Джонни Депп или Орlando Блум, все равно я не хочу продаваться. Хотя бы что-то чистое во мне должно остаться. Хотя бы одно спокойное место в той грязи, в которой я уже почти с затылком бултыхаюсь.

К черту их. К черту их всех. Моника, уroda-братца и того козла с залысинами. Иду к Марку, он встречается мне почти сразу.

– Ну, что ж, пляши, цыпа, – скалится он белозубо, – тебя хотят в привате. На максимум.

Вот ведь черт, а я так хотела выспаться перед завтрашними лекциями. Ройх шкуры спускает тем, кто смеет на его парах зевать, а еще большего усугубления его неприязни я допустить не могу. Но отказаться от привата тоже нельзя, Марк мне просто не заплатит. А мне нужно, чтобы заплатил.

Хоть в привате и хуже танцевать. Страшнее.

– Ах, да, шмотки смени, – рывкает Марк мне вдогонку, – клиент хочет костюм “шлюшки-студентки”.

Переодеваюсь безразлично. Развратная Лея, студенточка в юбке, не прикрывающей трусы, полицейская в черном латексе – костюм значения не имеет. Уж коли зарабатываешь ты раздеванием и развратными извиваниями у пилона – чего уж тут строить? Только маску надо сменить. С золотой, на сетчатую кружевную.

– Улыбайся, Цыпа, – Марк успевает заметить меня перед дверью в номер, – что за кислая мина? Ты вообще зарабатывать сегодня собираешься?

– Разумеется, – нацепляю на лицо выражение для выступлений, – я выну из него все до копеечки.

– Мою долю занести не забудь.

Черная ручка приватного номера мягко поворачивается под моей ладонью. Там в номере – только свет алых ламп, пилон и черный кожаный диван.

– Добрый вечер, – улыбаюсь откровенно, но глаз не поднимаю. Смотрю на туфли, только на блестящие мужские туфли.

Не видеть их лиц – так гораздо проще.

– И тебе привет, Иванова, – вальяжно и медленно тянет клиент с дивана. Голосом, от одного только звучания которого мое сердце прыгает в пропасть.

– П-профессор?

Он, точно он... Эти темные глаза столько раз снимали с

меня шкуру на лекциях – невозможно ошибиться.

Господи, господи, господи...

– Профессор, – он издевательски это выдыхает, запрокидывая голову, – что, Иванова, за три года так и не удосужилась выучить мое имя-отчество? Как ты при этом дожила до третьего курса?

Хуже нет ничего – стриптизерше на смене встретить кого-то знакомого.

Но любой другой знакомый не оказал бы на меня такого эффекта.

Просто потому, что ни один другой мой знакомый не испытывает такого желания вышвырнуть меня из университета, как Юлий Владимирович Ройх.

Я... Ну, сама виновата в общем-то. Это моя выходка на первом курсе стоила ему места декана. Я это знаю, поэтому на зачеты и экзамены к нему я всегда хожу, выучив лекции на зубок. Просто потому что знаю, даже этого недостаточно, чтобы он поставил мне приличную оценку. Он меня ненавидит. Это все знают. Даже в деканате уже не удивляются, когда я прихожу оспаривать полученные у него тройки.

– Это твой план? – едко тянет Юлий Владимирович, обдавая меня таким презрением, что дыхание аж перехватывает. – Простоять столбиком все оплаченное время? Ты уверена, что ты выбрала правильное ремесло для заработка? Мне, наверное, стоит забежать к хозяину клуба, обсудить твою “профпригодность”.

Нет, этого я точно допустить не могу...

Из десяти клубов, в которые я пробовала устроиться, только Марк не настаивал на “дополнительных услугах” для клиентов. Только Марк не отпускал похабных намеков и ограничивался только шуточками, не приглашая к себе в кабинет, чтобы “обсудить рабочий график”. Только Марк выдает девочкам браслеты с кнопкой безопасности, на которую можно нажать, если клиент позволяет себе лишнего.

– Что вам нужно? – шиплю я, отчаянно желая провалиться сквозь землю. Сама еще не понимаю, насколько глубоко вляпалась. То, что вляпалась – точно.

Господи, если в универе узнают...

Хотя почему “если”, Катя? Узнают! Непременно узнают. Глянь в лицо Ройха, видишь – глаза горят предвкушением? Вот.

Меня выгонят. Со скандалом. *Сбудется его мечта.*

– Я оплачивал два часа приватного танца, Иванова, – Ройх расслабленно разваливается на кожаном диване, – не трать мое время, начинай.

Это ведь месть. Да-да, это точно месть. Как хорошо он её охладил. До температуры льда. Разумеется, он понимает, что разоблачения такого уровня – унизительны. Танцевать перед ним – унизительно. Впрочем, по идее – не мне кривить губы. Какая разница? Вот именно что никакой.

Ну что ж. Места в универе я лишусь, но работу потерять точно нельзя. Иначе мамино лечение оплачивать будет

нечем. Значит, Ройх должен уйти отсюда удовлетворенным. Насколько это вообще возможно.

– Хорошо, – скажусь в злой улыбке, – только держите свои руки при себе, профессор! Вам полагается только танец.

Я вижу, как вздрагивают тонкие губы. Брезгливо, неприязненно, но болезненно. У меня есть право на эти слова, он знает.

Только потому, что у меня были эти права – ему не удалось вышвырнуть меня из универа. Просто потому что все знали, что в вопросе меня он предвзят.

– Меньше слов, больше дела, – презрительно бросает он, – это тебе не зачет. Придется постараться, чтобы заработать свои чаевые!

Ну что ж...

Неважно кто он. Мой профессор, папа римский или король Георг четырнадцатый – неважно. Такой же, как и все, мудака с похотливыми глазами. Из тех, кто подается вперед, когда я ставлю ногу на “случайно” забытый стульчик, чтобы поправить якобы сбившийся чулок. Конечно, все это потому, что номер уже начался.

Двухчасовой приват – на самом деле крайне дорогая из-за своей длительности программа. По сути, любой, кто её заказывает, хочет томления на медленном огне, с докаливанием до температуры вулкана.

Да пожалуйста.

Я в этом “шоу-бизнесе” девятый месяц. Я уже знаю толк.

Недаром другие стриптизерши из клуба меня не любят. Слишком быстро учусь.

Марк называет это моим талантом. Я – считаю настоящим проклятием. Наверное, не получайся у меня это – я бы не стала даже пытаться. Не подседа бы на эту иголку быстрых денег, способных оплатить счета за мамино лечение.

Но у меня получается.

И бросить сейчас – все равно что приговорить мать к смерти. Долгой, мучительной смерти на улице, потому что квартиры у неё теперь нет, а в мою общагу её не пустят. Да и на работу не возьмут. Сомневаюсь, что пенсии по инвалидности хватит на съем жилья. Оно в Москве дорогое.

А так – врач говорит, у мамы есть шанс на восстановление...

Мои ноги страстно стискиваются на пилоне, я вращаюсь вокруг своей оси и думаю о маме. О счетах, которые смогу оплатить.

О...

– Отвратительно, – едко комментирует Ройх, – Иванова, ты – как вялая рыба. Никаких эмоций. На клиента не смотришь, смотришь сквозь него. Тебе вправду платят за эту халтуру? По-моему, это ты должна приплачивать.

Сволочь. Ему нужно, чтобы я на него смотрела. Ему нужны мои эмоции. Нужно, чтобы я сделала вид, что умираю от желания ему отдаться?

Поднимаю глаза, встречаю взгляд профессора, облизываю

губы.

Раз вы так хотите, Юлий Владимирович. Сами пожалеете. Точно знаю. Знаю, что вы – не образцовый, приличный препод. А кобель озабоченный, только и всего.

Искренние чувства?

Что ж, их есть у меня. Правда не вожделение, ни разу, но ненависть к скользкому ублюдку, уклонившемуся от справедливости, у меня была. Очень-очень много.

Уж больно хорошо врезалась мне в память рыдающая навзрыд Анька. Моя подруга, которой этот озабоченный кобель предложил проставить оценку за зачет после того, как он ей “билеты поможет повторить”.

Конечно, она не согласилась. Конечно же, он её завалил. И даже поставил вопрос об отчислении, пользуясь положением декана.

Но боже мой, как отчаянно я ненавидела Ройха в тот момент. На что угодно готова была пойти, чтобы эту сволочь сняли с деканства и вообще вышибли из универа. Таких нельзя пускать к преподаванию. У них внутри все сгнило.

Тогда мы с Анькой и придумали тот план.

Безумный, отбитый, примерно, как мы в то время.

На следующий его экзамен я пришла в полной боевой готовности. Дерзкое мини, яркие губы и диктофончик включенный в кармашке темного жакета.

Шла последней, вопреки себе, когда аудитория уже совершенно опустела. Никогда еще так не лажала с изложением

материала, как в тот экзамен. Дождалась, пока Ройх, озадаченный моей феноменальной тупостью, сведет брови над переносицей и спросит.

— Да что с вами такое, Иванова? Вот эти задачи вы на лекциях на раз щелкали.

Я облизнула губы тогда. Изобразила волнение. Созналась, что переволновалась, пожаловалась на проблемы с пониманием материала.

Спросила, не может ли Юлий Владимирович мне как-то помочь. Лично.

Он долго молчал. Смотрел на меня. Потом встал из-за стола, обогнул стол, остановился рядом, все так же глядя на меня сверху вниз, заставляя меня испытывать острейшее желание сбежать куда-нибудь подальше.

А потом жесткие пальцы легли ко мне на подбородок, горячие губы впились в мои. Мой первый поцелуй... Не думала, что просру его настолько бездарно. На ублюдка, который вообще не заслуживал ничего подобного.

Странно, наверное, слушать такие откровения от студентки, но тогда...

Я только выпустилась из школы. А папа у меня отличался довольно жестким характером и выбратся погулять с мальчиками у него смог бы только суперагент. Так что да. Ройх был первым мужчиной, который меня целовал. И только за это я его ненавижу. Потому что весь этот хмель первого мужского прикосновения, жажды и трепета перед большей си-

лой... Нет, не должно было со мной всего этого происходить из-за озабоченного кобелины в кресле декана. Он не был достоин.

Да-да, не для него моя роза цвела. Для кого угодно, но не для такого морального уроды.

И все же... Он меня поцеловал. Нетерпеливо, не давая отстраниться, и – судя по наглым лапам, обжимавшим меня тогда – хотел он большего.

Спасибо хоть за то, что остановился.

Остановился, выдохнул, что-то вроде “Нет, не здесь”, поставил мне зачет и выставил, пообещав перезвонить в ближайшие дни.

Не перезвонил конечно.

Ему быстро стало не до этого, потому что запись нашего разговора, включая и ту часть, где он роняет, что зачет – дело ерундовое, и предупреждает меня, чтоб я не распространялась о поцелуе – все это улетело в деканат тем же вечером.

И даже сейчас, уже пережив то, что пережила, о сделанном мной выборе я не жалею. Еще бы раз так сделала, лишь бы добиться его увольнения.

Его не уволили. Сняли с деканства, вклеили выговор. Но не уволили. Потому что у уроды оказалось слишком много связей. Потому что он слишком дорог для кафедры.

Потому что... Да какая разница.

Важно, что сейчас он сидит на кожаном диване напротив меня, и поедает глазами. Наслаждается моментом моего уни-

жения. Упивается тем, что сейчас может швырнуть мне пару тысяч и почувствовать себя хозяином положения.

Липкий, мерзкий хищник. С каждой секундой, с каждым движением, с каждой новой связкой, я понимаю – меня тошит от него все сильнее. Настолько, что еще чуть-чуть – и я просто хлопну дверью привата и вдрызг разругаюсь с Марком. И это будет такая катастрофа!

Дальше ведь только панель.

Что мне делать?

Хочу прекратить эту пытку сейчас. И чтобы он больше не приходил.

Значит, придется делать то, что я совсем не хочу – идти в атаку. Провоцировать его. Да так, чтобы Марк потом, проглядев записи с камер, ко мне не приебался. Значит, все, что я должна себе позволить, должно смотреться как элементы номера. Отлично. А еще – можно поболтать. Девочки это обожают – личный контакт с клиентом всегда помогает опустошить его карманы.

Главное что? Чтобы он сам зашел за красную линию.

Впрочем, развести такого озабоченного ублюдка будет несложно. Один раз я его уже развела. И сейчас – тоже справлюсь. Тем более, что делать ничего не надо. Вполне характерная выпуклость на брюках уже имеет ярко-выраженный характер. Все что мне надо – слегка его подтолкнуть.

– Профессор, – тяну игриво. Делаю вид, что не знаю его. Потом буду врать Марку, что просто приняла правила игры

клиента. Ну, захотел он сходу отыграть препода, и что? Ну, угадал мою фамилию. Скажем честно, более известной фамилии чем Иванова на свете просто нет. Петрова, разве что.

– Неужели вы все еще недовольны, профессор? – сладко тяну, прокручиваясь на пилоне медленно, зацепившись за него одним носком. – Я так старалась, так готовилась, а вы – недовольны? Ну же, скажите, какая у меня оценка?

Ничего не говорит. Просто подбирается вперед, таращась на меня еще пристальней.

Боженька, боженька, и почему ты всегда пихаешь моральных уродов в эстетичную упаковку? Потому что вот по нему – презентабельному роскошному мужику – даже моя матушка не могла сказать, что он лазит студенткам в трусы за зачеты.

– У такого хищника вообще проблем с бабами быть не может, – протянула она тогда, когда огрызки скандала в универе долетели до нас и мне пришлось объясняться.

Мне много тогда перед кем пришлось объясняться. Перед деканатом – в том числе. И в том, что это была осознанная провокация – тоже. И что на самом деле я прекрасно знала билеты, могу ответить не выходя из преподавательской.

Он и вправду похож на хищника, поджарый, мускулистый, темноглазый, источающий странное чувство опасности.

И как только он поднимается на ноги – мое сердце отбывает куда-то в Африку, не удосужившись написать мне прощальную записку.

Шаг, второй, третий...

Он все ближе, мне – все страшнее. Но я не антилопа, я не имею права дать деру тут же, как заметила гепарда. Мне нужно еще немножко потерпеть и потанцевать. Плеснуть ему еще моей кипучей неприязни, что я выдаю за страсть, пусть подавится...

Он выбирает для атаки момент промежуточной связки, предназначенный больше для моего отдыха и разгрузки кипящих от напряжения мышц. Падает вперед, до боли стискивает мои пальцы на пилоне, замирает в нескольких сантиметрах от моего лица.

– Сколько хочешь за ночь, а, Иванова? – шипит сквозь зубы.

– У вас столько нет, – скалюсь я, делая шаг назад. Зря. Потому что он надвигается на меня, преследуя.

– Просто назови мне сумму, Иванова, – настойчиво требует он, зажимая меня у стены, – так сложно? Циферки в твою пустую голову не помещаются?

– Оставьте меня, – вскрикиваю, пытаюсь его оттолкнуть, – я не хочу. Не хочу, слышите?

– Какая удивительная разборчивость для шлюхи, – тихо шепчет Юлий Владимирович, все ниже склоняясь к моему лицу, – и чем же я тебе не угодил, можно спросить? Или ты разборчивая? Какие члены предпочитаешь, толстые, тонкие?

Нервы сдают. Я зажимаю левой рукой кнопку на браслете.

Эту цацку с кнопочкой, замаскированной под камушек на круглом центральном элементе, выдают всем, кто идет в приват. Когда клиент отказывается слышать слово нет. Именно благодаря ему спустя уже две минуты в номер вламывается мордатый амбал Ванечка. Вообще-то он меня бесит – слишком часто подкатывает яйца, но вот сейчас – рада ему.

– Слышь, мужик, тебе популярно объяснить, что означает слово “нет”? – воодушевленный перспективой разборки рычит Ванечка.

– Я вообще-то знаю, – сухо комментирует Ройх, не разворачиваясь к гостю, – шли бы вы, любезный...

– Это ты сейчас пойдешь, – бодро скалится Ванечка, – ну, или поедешь. Чего выбираешь?

Ройх бросает на него задумчивый взгляд, будто прикидывая весовую категорию. Снова кидает взгляд на меня. Потом – делает три шага от меня, в сторону двери.

Неужели все? Неужели уходит?

– Иванова! – вздрагиваю, услышав его голос. Поднимаю глаза. Вижу, как он швыряет на пол между нами несколько купюр.

– Заслужила, – цедит с бесконечным презрением. И сваливает.

2. Защитник

– Это что, все? – Марк смотрит на выложенные мной на его столе купюры с совершенно отчетливым разочарованием.

Мало, конечно. Пять тысяч всего. С учетом того, что он забирает семьдесят процентов – копейки. Обычно из привата приносят минимум двадцатку.

– Он полез меня лапать, – хмуро бурчу я, пытаюсь затылком уйти глубже в широкую толстовку, – я вызвала охрану. Посмотри по камерам, если не веришь.

– Я уже их видел, Цыпа, – Марк красноречиво щурится, напоминая, что на слово он мне верить не собирался, – и уже успел понять, что ты его осознанно дразнила. Обещала дать и не дала. Это постоянный клиент, между прочим, был. Уже два месяца у нас пасется, спускает на “бонусы” хорошие суммы. Если этот его приват станет единственным заказанным – получается, ты его разочаровала. Спугнула нам клиента.

– Мне надо было с ним переспать, что ли?

– А ты у нас что, дохуя щепетильная, Цыпа? – рывкает Марк. – Так я могу напомнить тебе, что такое – остаться исключенной из списка допускаемых в приват.

– Не надо, пожалуйста.

Выдыхаю раньше, чем понимаю, насколько жалкой сейчас смотрюсь. Но если говорить правду – основные деньги дей-

ствительно крутятся в привате. Когда ты на общем подиуме, деньги, конечно, летят. Но только при личном контакте из клиента можно вытянуть действительно много.

– Ты говорил, что оставляешь это решение за мной, – произношу немеющими губами, – и мы договаривались...

– Откровенно говоря, Цыпа, трепет твоей целки меня не особо трогает, – Марк неприятно кривится, – не хочешь трахаться с клиентами – твоя проблема. Только в этом случае, будь добра, не распугивай моих клиентов. Не заходи за грань.

Ну вот как ему объяснить...

Да насрать ему на те объяснения, я понимаю.

– Я не буду больше, клянусь, – подаюсь вперед, надеясь, что мое отчаяние его разжалобит, – Марк, пожалуйста, ты ведь знаешь мою ситуацию. Я не могу...

– Мне похуй на твою ситуацию, Цыпа, если ты ложишь на мою, ясно?

Пару минут он молчит, потом вытягивает из кармана несколько денежных пачек. На каждой резиночкой прищиплено имя девочки, чей танец собрал эту кассу. От моей пачки он отнимает аж половину. А ведь это уже после его комиссии.

– Это штраф, Цыпа, – заявляет Марк, швыряя мне скудный остаток от гонорара, – пятерку свою, так и быть, забери. Но еще один такой раз, и я тебя вышвырну с голым задом. И это тебе не блядская метафора. Как есть выкину, в одних

трусах. Поняла?

Киваю молча, сглатывая бешенство.

Спасибо, Юлий Владимирович, благодаря вашему без меры озабоченному члену я остаюсь при жалких пятнадцати тысячах. Нет даже половины необходимой для продления месячного содержания мамы в клинике суммы. Блядь!

– До конца недели свободна, Цыпа.

– Но как же смена в среду? Ты обещал...

– До конца недели, Цыпа, – Марк безжалостно смотрит на меня, – ты слишком охуела. Подумай над своим поведением. Надеюсь, на субботнюю смену придешь голодной и рвущейся в бой.

Куда я, твою мать, денусь, а?!

Как договариваться с клиникой – ума не приложу. Я их основательно достала вечными просьбами о переносе платежей.

Вот только если Марк что-то решил – хрена с два он отступится. Пощады от него ждать не стоит, у него таких как я – восемнадцать в основном составе и двадцать четыре в запасе. Мое место есть кому занять. Все хотят денег.

Во мне сложно узнать стриптизершу, когда я выхожу из гримерки. На одну толстовку я надеваю вторую, чтобы скрыть контуры тела. Джинсы надеваю самые бомжатские, мешковатые. Кепку надвигаю на лицо, волосы завязываю в узел.

Не хочу, чтобы хоть кто-то меня узнал, не хочу, чтобы во-

обще со мной хоть кто-то заговаривал. Для этого проще быть таким человеком-мешком.

Никогда не вызываю такси у клуба. Не дай бог. Ухожу в сторону квартала на три, забираюсь в какой-нибудь тихий двор и только оттуда вызываю машину. Жаль, что смены поздние – в три утра здесь еще не ходят автобусы. Иначе здорово бы сэкономила. Но увы. До метро здесь далеко, а я и так дергаюсь от каждого шороха.

А в этот раз за мной еще и увязывается какой-то хмырь.

Сначала я, конечно, путаю его с Ройхом – озабоченному преподу ничего не стоит подождать меня и опознать за этим мешком. Я примерно так хожу в универ, всякий раз, когда его лекции возникают в расписании.

Нет. Один раз только глянула назад, поняла – не он. Мой мурак-профессор на голову выше. И более... Атлетичен, что ли. За мной идет какой-то коренастый тип.

Прибавляю шаг, надеясь, что ошиблась, и что парень просто идет по своим делам по совпавшей траектории. Слышу, как за моей спиной преследователь переходит на бег. Сука!

Срываюсь с места, набирая скорость. Не успеваю далеко убежать, мужик меня нагоняет, хватает за плечо, дергает назад.

– Эй, ты, мне твой брат денег должен.

– Да похуй, – пытаюсь вырваться, но мужик оказывается сильнее. Заламывает мне руку, толкает к оказавшейся так

близко пластиковой стене остановки.

– Он сказал, ты расплатишься, – рычит утырок, шарит по моим карманам. Я лягаю его в ногу, не целясь, куда то попадаю, но тут же огребаю тяжелым кулаком между лопаток.

Больно так, что в голове кровавый туман стелется.

Самый пиздец в том, что, судя по всему, Вовочка все-таки узнал, где я работаю, и прислал ко мне своих кредиторов. Значит, мне пора менять работу. И сучий же он потрох, что никак не может оставить меня в покое! Мало ему проигранной квартиры. Мало ему маминых сбережений. Мало ему... всего, пущенного на ветер отцовского наследства.

Теперь он берет в долг и переадресует ко мне дружков-ублюдков.

Мои деньги, мои пятнадцать тысяч оказываются в руках у утырка, а я – только жалко скулю, пытаюсь совладать с дыханием.

– Где еще? – мне сильнее заламывают руку. – Он мне сотню должен, а это что за хуйня?

– У меня ничего нет, – шиплю зло, – и не будет. Я не плачу по его долгам.

Понятия не имею, до чего бы дошла эта дивная беседа, если бы именно в это время рядом с остановкой не взвизгнули тормоза, втопленные в пол на полном ходу.

– Эй, уебок, отвалил от неё, быстро.

Даже не знаю, чему я удивилась больше.

Лютой матершине из уст препода, который на людях весь

из себя культурный и приличный человек? Или тому, что я сейчас была готова разрыдаться от радости, услышав голос ненавистного мне Юлия Владимировича Ройха.

– Не лезь, мужик, – бритоголовый хмырь пытается строить крутого, – курва мне денег должна.

– Ничего я тебе не должна, – вскрикиваю яростно, и тут же расплачиваюсь за поданный голос.

– Заткнись, – мудака снова прикладывает меня об пластиковую стенку. Потрох сучий. Ладно, в универ, но как я перед клубом-то эту мерзость замажу?

За моей спиной кто-то рычит, хлопает бешено дверца машина, я ощущаю движение спиной. А потом хмыря швыряет назад, и он все-таки выпускает мою руку из захвата.

Я действую как-то заторможенно, по крайней мере – мне так кажется, когда оборачиваюсь. Потому что позади меня обнаруживаются два тесно переплетенных мужских тела, сцепившихся в такой яростной драке, будто оба они хотят угробить друг друга. А может... И правда хотят...

А я как дура, стою, смотрю, хотя по идее, мне бы бежать отсюда...

– В машину лезь, безмозглая, – через силу, но я опознаю в этом злом, жгучем до боли приказе голос Ройха. И прихожу в себя. Бросаюсь к его тачке – ни в жизнь бы не села, если б не ситуация, ныряю на сиденье рядом с водителем, снова прижимаюсь к стеклу, чуть ли не носом.

Господи, никогда бы не подумала, что наш озабоченный

мудак не только в черчении спец, но и в кулачных боях. Или это он просто злой настолько?

Как бы то ни было, дерется он так, будто в свободное от преподавания время проводит время на боксерском ринге. И явившийся ко мне за Вовкиными долгами кредитор, которые смотрится более мощным, раз за разом пропускает по морде. Раз, еще раз...

В моей крови медленно закипает кайф. Была б моя воля, сейчас бы рядом попрыгала, и даже помахала бы Ройху помпонами. Потому что... Единственным человеком, которого я ненавижу больше, чем тех, кто дает моему уроду-братцу в долг, является сам мой братец.

И это такой кайф – видеть, как Вовочкин дружбан огребает по самое не могу. В следующий раз он подумает, стоит ли давать Вовочке в долг.

И даже плевать, что выписывает животворящие пиздюли не кто-нибудь, а тот, кого я ненавижу и презираю. От взглядов которого каждую пару хочу помыться.

Похрен.

Сейчас я им люблюсь. Как никем. Не ожидала, вот правда.

В какой-то момент удар бритоголовому наносится близкий к критичному. Он валится на землю и не торопится встать. На месте Ройха – я бы пару раз двинула упавшей мрази в брюхо, до того ненавижу всю эту шваль, что пытается забрать у меня последнее, но Юлий Владимирович только сплевывает и быстро шагает к машине.

Садится, заводит двигатель, на меня не смотрит.

Машина трогается с места, и все что мне остается – смотреть, как бритоголовый слабо шевелится на тротуарной плитке.

– Пристегнись.

Сначала не очень получается осознать это слово. Что?

– Тебе все повторять по двести раз надо, Иванова? – выдыхает Ройх, и у меня от его бешенства мороз идет по коже. – Пристегнись уже.

Мои пальцы кажутся мне ужасно неуклюжими. Впрочем – не только мне, и совсем не кажутся.

Ройх бросает на суетливую и такую неловкую меня косой взгляд и брезгливо морщится.

– Что, с пилоном тебе сподручней справляться? Или ты все-таки члены щупать предпочитаешь?

Заливаюсь жарким румянцем, ежусь, пытаюсь справиться с вернувшейся неприязнью. Не надо было его слушаться. Надо было сваливать и вызывать такси. А сейчас...

– Что, ни ответа, ни спасибо я от тебя не дождусь? – ядовито цедит Ройх.

– Спасибо, – благодарность выходит вымученной. Благодарить его мне по-настоящему сложно, потому что самое последнее, чего бы я хотела в своей жизни – это быть обязанной Юлию Владимировичу Ройху.

Хотя нет – быть избитой кредитором моего ушлепка-братца, пожалуй, хотела бы чуточку меньше.

– Охуенная из тебя собеседница, Иванова, – с кислотным сарказмом роняет Ройх, с какой-то совершенно отчетливой жесткостью выкручивая руль на перекрестке, – ничуть не удивлен, что стриптиз – все на что тебя хватило. С такой коммуникабельностью больше никуда тебя не возьмут. Даже не понятно, на кой хер ты учишься. Какой из тебя архитектор?

– Не ваше дело.

Хочется вцепиться ему в глотку, а лучше – броситься на полном ходу из машины. Только вот беда – у меня нет девяти жизней, как у кошки. Приходится терпеть. И огрызаться хотя бы не на каждое его слово.

На мое счастье – Ройх затыкается в кои-то веки. Так и едет, обливая меня презрительным молчанием. Похрен. Пусть будет презрительное молчание, лишь бы не приебывался.

Сижу на своем месте, делаю вид, что смотрю вперед, а на самом деле – на разбитые в хлам костяшки кулаков профессора. Снова и снова вспоминаю тот жестокий восторг, который меня одолевал, когда я наблюдала за дракой. За меня... Уже давно никто не заступался. Даже Анька, с которой с начала года резко ухудшились отношения. Видимо, слишком разные мы стали.

Я – слишком заиклилась на заработке, стала слишком душной для легкой на подъем Аньки. Ну и правильно, ее родители были живы и здоровы, и продолжали быть впол-

не обеспеченными людьми. Настолько, что Анька по праву считалась мажоркой. Я не была такой, пока папа был жив, но вполне себе принимала стипендию за прибавку к личным деньгами. Сейчас – уже не до этого. Сейчас – учусь на эти деньги жить, каждую заработанную копейку откладывая в кошелек под неудобным общажным матрасом. Для мамы.

Резкая остановка выталкивает меня из мыслей, в которых предпочла спрятаться. Смотрю в окно, вижу светящуюся вывеску какой-то гостиницы.

– Куда вы меня привезли? – дергаюсь, совершенно позабыв ремень безопасности.

– Туда, где я смогу тебя наконец трахнуть, – глухо отвечает Ройх, глядя прямо перед собой, – и выкинуть уже из головы, к чертовой матери.

В ушах звенит, щеки пылают.

– Ну что ты так на меня вытаращилась, Иванова? – холодный голос Ройха, как ушат воды. – Ей богу, не видел бы своими глазами, как ты вьешься на пилоне без лифчика – подумал бы, что ты в монастырь собралась. Не строй целку. Можно подумать, для тебя это в новинку.

В том-то и дело, что да...

Но говорить это, даже яростно, с напором – сознаваться в собственной неопытности именно Ройху...

Я вылетаю из его машины, быстрее, чем успеваю сообразить. Хлопаю дверью с размаху, оглядываюсь, вижу стоящее на краю стоянки такси и водителя, жрущего шаурму, броса-

юсь к нему.

– Свободен?

Водила умудряется утрамбовать себе за щеку остаток шаурмы и торопливо кивает. Видимо, с заказами совсем пиздец.

– Катерина! – слышу голос сзади, но только голову в плечи вытягиваю. Игнорирую. Лучшее, что могу.

Что будет в универе – даже думать не хочу. Но теперь уже ничего не поделаешь.

– Кто это был? Парень твой? – отъезжая, водитель начинает проявлять любопытство.

– Нет. Просто козел, – отвечаю тихо, закапываясь глубже в недра толстовки.

– За нами едет.

Оборачиваюсь к заднему стеклу, и по спине медленно начинает течь холодный пот. И вправду едет, заоблачно понтоватый Ройховский Лексус. Поворот за поворотом, квартал за кварталом. Отстает ненадолго, потом снова нагоняет.

– Сука... – тихо шепчу, впиваясь ногтями в кожаную обивку сиденья. Ну вот что ему от меня надо? Мало, что ли, дур на нашем архитектурном, которые не могут сдать Юлию Владимировичу графику, физику зданий или термех? Почему я, почему я, почему я? Мне и так как-то дохуя проблем по жизни.

Картинки рисуются совершенно безрадостные. Вот сейчас мы доедем до общаги. Ройх выйдет из машины, дойдет

до дежурной коменды и своим преподавательским авторитетом продавит идею оставить меня ночевать на улице. Там сегодня Мария Петровна, она вообще-то пускает меня, хоть я и возвращаюсь в общагу позже оговоренного часа. Но если свидетелем того будет преподаватель – не пустит.

Может, конечно, у Ройха в планах и нет переться за мной в общагу. Просто хочет зажать меня до неё. И... Это, пожалуй, еще хуже. По крайней мере, я могу прикинуть, к кому на первом этаже могу постучаться, чтоб меня пустили. А вот как отбиваться от озабоченного козла – представляю слабо.

Нет, надо было все-таки заняться самбо, папа ведь говорил, что девушке это не будет лишним, а я...

На стрип пошла.

Сама, блин, путь выбрала.

Да кто бы знал, что так занесет нелегкая.

Когда шла на стрип – с деньгами проблем не было. Ни у меня, ни у отца, который мне наличные подкидывал. Это потом у него проблемы начались. А уж после того, как он повесился, стало совсем худо.

– Приехали, девушка, – покашливает таксист, – с вас полторы тысячи.

– Сколько? – охреневаю. – Ты двадцать минут ехал.

– Ночной тариф, выходной день, – не мигнув и глазом сообщает мужик, – сами не заплатите, могу попросить заплатить вашего козла. Вон он, как раз паркуется.

Увы, он прав – черный Лексус Ройха и вправду ненавяз-

чиво так выворачивает на край парковки. У меня в желудке будто кувырывается что-то склизкое и холодное.

Шарюсь по карманам, нахожу выжившие от гонорара два косяря.

Чуть не реву, потому что это не просто не деньги, слезы просто. Надо было забрать у того утырка деньги хоть за сегодняшнее выступление. А это...

– У меня сдачи нет, – упирается водила. Мудила, блядь!

– А это моя проблема? – взрываюсь. – Я на эту пятисотку неделю жить буду.

– А у меня нет, – талдычит как баран.

– Ну и подавись ей, – вылезаю, хлопаю дверью со всей яростью.

Слышу, как меня обкладывают матом, но не трогаюсь абсолютно. С размаху пинаю шину, с трудом удерживаюсь от того, чтобы не поднять с обочины выщербленный кусок асфальта и не швырнуть его вслед уезжающей машине.

Эмоции эмоциями, а это уже готовый срок.

Срок, ну точно!

Если Ройх сейчас вздумает начать ко мне лезть, я буду орать, что накатаю на него заявление! Громко.

Оборачиваюсь к тому краю парковки, где стояла до этого машина Ройха. И к своему удивлению, вижу пустое парковочное место. Уехал. Убедился, что я вышла из машины, что водила уехал, и свалил сам?

Так не вписывается в портрет озабоченного кобеля, что

я даже захожу в общагу в какой-то прострации. Может, я в чем-то с ним ошибаюсь? Может, он не настолько конченный, как я о нем думаю?

В комнату пробираюсь на цыпочках, чтобы не разбудить соседку. Падаю в кровать, только под одеялом стаскиваю толстовку. Усталость, много острых ощущений – наверное, потому меня так рубит, стоило только оказаться в горизонтальном положении.

Из последних сил дотягиваюсь до телефона, оставшегося в кармане сброшенных на пол джинс. Нужно поставить будильник на пары.

На экране – свежая СМС, от Ройха.

“Нужны будут деньги – знаешь, куда обратиться. Торговаться не буду”.

А, нет, показалось!

3. Его точка зрения

Профессор

Просыпаюсь как всегда, по будильнику. С настолько железобетонным стояком, что даже не надо спрашивать, кто именно снился. Хотя нихера и не помню, ни единой секунды сна, но с некоторых пор в этом вопросе у меня со своим телом четкое непонимание.

Ну как можно было из всего многообразия имеющихся в поле зрения нормальных баб выбрать это стервозное мелкое недоразумение?

– Ну куда ты, Юл? – плеча касается мягкая ладонь Веры. И тут я вспоминаю, что лег-то вчера нихрена не у себя дома. И надо было пойти вчера домой, да только неумолимая тяжесть в штанах перевесила.

– У меня лекции сегодня с самого утра, – произношу, доставая со стула рубашку.

– Может, хоть позавтракаешь с нами? Антошка будет рад. У меня каша в мультиварке настроена, уже готовая...

– Мне нужно еще успеть в душ и переодеться, – качаю головой.

– Ну тогда подожди, я хоть обед тебе достану. Все вчера приготовила.

– Да не надо.

Просьба опаздывает. Она уже вылетела из-под одеяла, и

как есть, в одной футболке улетела на кухню. Не удивляюсь, абсолютно. Вера в такие моменты поразительно глуха и чувственно настойчива.

Хорошо, когда ниже тебя живет симпатичная мать-одиночка, которая очень хочет замуж. Настолько, что даже обеды тебе умудряется готовить и завалиться к ней можно даже в три часа ночи, после того, как вдоволь набегался по значным районам за одной маленькой дрянью.

Плохо, что ответить взаимностью я ей не могу. И сам при этом продолжаю по мудацки приезжать.

Удалось бы избавиться от проклятия "Ивановна" – стало бы проще дышать. И решения принимать.

Воскресенье вышло насыщенным, ничего не скажешь.

Сначала до меня доехал старый приятель, который тут собрался жениться, причем не где-нибудь – а где-то на островах, и мальчишник он желал устроить как полагается, но почему-то – в моей компании.

Устроили.

Пять стриптиз-баров прошли, сошлись на том, что набирают туда сейчас всякую бездарную шваль. По всей видимости, основным критерием отбора на данный момент считалась не грация и сексуальность, а готовность открывать рот и раздвигать ноги.

В шестом клубе задержались. Точнее, это Макс не смог меня оттуда вытащить. Потому что только оказавшись в затопленном красном свете клубном зале я замер, не в силах

оторвать взгляда от фигурки на шесте.

Она? Да правда, что ли?

В золотых трусах и бесполезной масочке, на пилоне, спускающая лямку лифчика.

А танцует маленькая стервь лучше, чем врет.

Впрочем, будем откровенны, когда она врала при мне в последний раз – из меня был хреновый оценщик актерского мастерства.

Оказалось, что невозможно мыслить здраво, когда в голове взрывается алчная тьма, которую сдерживал три чертовых семестра.

Как я избавился от Макса – понятия не имею. Наверное, прозрение придало мне сил. Не смог допустить с собой в приват, туда, где маленькая гадюка извивалась на пилоне для меня. Пусть недолго. Похер.

Еду на работу – зверею все сильнее.

В голове – все еще вчерашний вечер, бесконечная беготня, и то, как Иванова, зарабатывающая себе на жизнь стриптизом, пыталась что-то из себя строить и что-то мне доказать. Как будто я не в курсе, какие именно “услуги” предлагают её “коллеги” в частных номерах. Всегда так было. И маленькая стервочка, которая совершенно точно не первый раз была на сцене, пыталась мне доказать, что она не такая? Ну-ну.

Худо-бедно, на рабочий лад настроил звонок от проректора. Ну точнее, звонок раздался, и мне пришлось как-то из-

бавляться от всего того бреда, что сейчас болтался в моей голове. Получилось почти быстро. Видимо, сказывался стаж, давно я воюю со всем этим дерьмом.

И еще повоюю, конечно.

Хотя насколько было бы проще оставить эту пагубную прихоть за спиной.

– Ты мне проспорил, Юлий Владимирович, – вместо “доброго утра” и “как дела” заявляет проректор.

– Васнецов, я поздно лег, рано встал и совершенно не настроен гадать, в каком из семнадцати наших с тобой заключенных пари мог проспорить.

– Семнадцати? Не тринадцати?

– Память подводит, Егор Васильевич? Старость и склероз? Вы уже готовы уступить дорогу молодым, а вашу прекрасную жену – более дееспособным любовникам?

Только кровожадное покашливание с той стороны трубки доносит до меня привет с земли. Нет, с женой я перебрал, пожалуй. Именно семейные вопросы у Васнецова считаются находящимися за красной чертой тем, над которыми шутить не полагается.

– Ладно, я пошутил, – мрачно сознаюсь, – что такого случилось?

– Собрание ученого совета по вопросу твоего возвращения к должности состоится через две недели. Если стоишь – танцуй. Если сидишь – кукарекай.

– Как тебе удалось? Я предполагал, что предельно выбе-

сил пней в совете.

– Выбесил, конечно. Мог хотя бы что-то сказать в свое оправдание, чтобы противопоставить словам этой нашей “звезды”, – тон Егора характерно мрачнеет.

Увы, но это означало, что “звезду” выперли бы со скандалом. Громким таким. На все приличные московские вузы этого бы скандала хватило.

Тогда я еще не хотел так избавиться от неё, любой ценой, любыми средствами.

– Юл, только я тебя прошу, – напоследок просит Васнецов, – веди себя, пожалуйста, потише. Никаких новых скандалов. Поверь, твоя репутация сейчас ни одного не переживет. Даже маленького. На соплях держишься.

Обойтись без скандалов...

Хорошее пожелание. Главное – вовремя озвученное. В то время, когда я уже прикидываю, как мне воспользоваться полученным компроматом на Иванову.

Слава богу, совесть и жалость она мне сама отбила своим идиотским поведением.

Ладно, с этим можно подождать.

Можно все спланировать пограмотнее. Так, чтобы со мной никто не связал.

Разумеется – я планирую обнародовать “промысел” Ивановой. Выйдет хорошая месть для зарвавшейся стервозной дряни, возомнившей о себе невесть что.

У нас крупный, известный вуз. Студентка-стриптизерша

для наших старых зашоренных хрычей в ученом совете – как красная тряпка перед носом дикого быка, выращенного для корриды. Или как жирное нефтяное пятно на безупречной университетской репутации.

Девчонку быстро сольют, а я наконец смогу дышать спокойно.

Эти мысли оказываются практически живительным эликсиром. И смаковать его по капле в предчувствии двух последних пар, и во время них, когда мне приходится поворачиваться лицом к курсу гребаной Ивановой, видеть её саму – бледно-зеленую от недосыпа, смотрящую на меня маленьким затравленным зверьком. Ну, все-таки явилась. Хватило остатков храбрости.

Особенно бесит, когда к её плечу склоняется Капустина, сладкая подружка моей закланной “звезды”.

И правду говорят: скажи мне, кто твой друг – я скажу, кто ты. Вот и по парочке Иванова-Капустина диагноз выписывается очень просто. Две испытанные маленькие стервы. При чем пробы ставить на обеих уже некуда – а туда же, строят из себя чуть ли не родных сестер Девы Марии.

– Ничего, девочки, – мстительно улыбаюсь в мыслях, – всё вам обеим прилетит. Одну я уже придумал как слить, вторая без первой – махом сольется.

– Иванова, – когда я окликаю девчонку после пары – она вздрагивает будто от удара.

Нет, девочка, все предложения, которые я мог озвучить

– сделал вчера. Сегодня ты для меня только раздражающая фифа, которую я не перевариваю. Не перевариваю, но все же делаю вид, что терплю.

– Капустина, вам чего? – спрашиваю холодно у замершей сурком за плечом Ивановой блондиночки. В пустой аудитории остались только они две. Все остальные радостно рванули домой. Четыре пары... Я бы и сам пошел, да только кто ж меня отпустит? Васнецов чуть не шантажирует, требует, чтобы к заседанию ученого совета у меня все дела были в идеальном состоянии.

А тут еще эти две... По кой хрен мне тут вторая?

– С вами, профессор, девушкам вредно оставаться наедине, – тоном настоящей полицейской заявляет дрянь, – вы уже приставали к моей подруге. При свидетелях не будете.

«Когда-нибудь ты попадешься, маленькая стерва», – проговариваю мысленно, глядя в глаза Анны Капустиной, и медоточиво улыбаюсь.

– Да сколько угодно. Торчите, если вам так приспичило. Иванова, не расскажете, что это?

Катерина ежится, но все еще следит маленьким побитым зверьком за всяким моим движением. Будто ждет, что я сейчас швырну на стол перед ней её золотые стринги.

Увы, кто б мне дал их снять. Я бы, может, и кинул.

На стол ложится другое – черная папка-скоросшиватель, набитая исчерканными моей рукой листами. Чья-то курсовая по геометрии зданий. Точнее – пародия на курсовой про-

ект.

Кто с первого раза угадает, чья именно это пародия?

Признаться, я давно не испытывал такого разочарования, когда листал эту хренотень.

Да, я валил Иванову на каждом экзамене и зачете. Методично валил и на пересдачах, дожидаясь, пока она не явится ко мне и экзаменационной комиссии, но и “звездой” преподавательский состав её называл не просто так. Она и вправду ею была. Собственно, я поэтому терпел полтора года, хотя первые глюки со стороны моего либидо начали появляться уже в первом семестре. Даже в уме не укладывалось, как я закручу роман с такой образцовой и подающей столько надежд студенткой.

И потом... Вот это вот. С кривыми эскизами. С расчетами, сделанными по формулам не её варианта. С подогнанными чертежами.

Звезда родилась – звезда умерла.

А потом я открыл курсовик Капустиной – и все понял. Понял, куда ушел ресурс. Что ж, мне давно было понятно, что если из этой парочки убрать Иванову – Капустина сама завалится. Просто некому будет её вытягивать на экзаменах.

Да – Иванова все понимает. Красная от стыда тянется к курсовику и тащит его на себя не раскрывая. И это все? А раскрыть? Я же там живого места не оставил, все до последней страницы прочел. Красную ручку до конца истратил, и

вторую нашел.

– Я переделаю, – тихо-тихо обещает мне Иванова.

Другой вопрос – нахрена она мне это вообще принесла? Чтобы я окончательно перестал её уважать? Так зря надеялась, я даже не начинал.

4. Скажи мне, кто твой брат...

Катя

– Нет, это просто возмутительно! – Анька стоит рядом со мной в коридоре и никак не может успокоиться. – Он же тебя одну только так и травит! Тебе надо написать на него жалобу в деканат. Я попрошу папу, он поможет раздуть из этого большую историю.

– В прошлый раз не раздул, – тихо отвечаю, проглядывая пометки Ройха и предсказуемо кривясь. Нет, ну... Я знала ведь, что он не примет. Просто первый вариант курсовика нужно было сдать именно на прошлой неделе. Иначе Ройх обещал, что не допустит на экзамен. Хотя, конечно, вот такого презрения от него я и не хотела.

– Это потому что ты запись сразу в деканат отдала, – возмущается Анька, – надо было папе отнести. Он бы её по своим каналам распространил, и Ройха бы выперли наконец.

Отец у Аньки – какая-то важная шишка на каком-то из довольно известных каналов. То ли на НТВ, то ли на России-1 – не суть. Суть в том, что раздуть он действительно может. Даже не скандал – скандалище. Но, как показывает практика – ему для этого нужна куча дополнительных каких-то доказательств.

– Ну, а что, твое свидетельство уже не годится? – спрашиваю. – Это сейчас вроде слово против слова. А с тобой нас

было бы уже двое.

– Ну ты что, меня нельзя привлекать. Иначе папа будет заинтересованное лицо, – Анька округляет глаза, – я же тебе говорила.

Я вздыхаю. Эти аргументы я действительно уже слышала. И уже успела с ними смириться.

– Слушай, давай о деле, – Анька плюхает на подоконник рядом со мной сумку. Неаккуратно плюхает – прямо на мои листы. Ладно. Пофиг. Аккуратно отвоевываю себе курсовик. Тем более, что Анька вытягивает из сумки три пятитысячных купюры и сует их мне в карман джинсовки.

С ума сойти. Она достала. Я и не ждала. Впрочем... Мы сейчас будто с разных планет. Её родители – состоятельные люди, каждый высоко забрался по карьерной лестнице, так что не мне рассуждать об Анькиных возможностях.

– Держи. Тебе точно хватит?

– На первый взнос хватит, – невесело киваю, – остальное постараюсь закрыть сама.

– Ну, если не сможешь – обращайся, – Анька виснет у меня на плечах, – я тебя всегда выручу, ты же знаешь.

– Знаю, – поглаживаю подругу по руке, – только и ты знаешь, что я не знаю, когда верну.

– Ну, ты мне с курсовиком помогла, – она безмятежно улыбается, – и расчеты по вышмату за меня делала. А на материаловедении поможешь?

– Помогу, конечно, – вздыхаю.

– А сможешь курсовик на мой вариант рассчитать? – Анька чуть закусывает губу, смотрит на меня умоляюще. – Я просто в ужасе, когда вижу те цифры. Совсем не понимаю, что там делать.

– Ну, не знаю, – я растерянно кошусь на курсовик для Ройха. Мне бы его переделать. И работы – как раз до конца этой недели, до конца которой я не работаю.

– Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – канючит подруга, складывая ладони вместе, – давай так, ты сделаешь, и половину этой суммы можешь не возвращать. А поможешь подготовиться к защите – считай, что десятку я тебе забыла.

Снова вздыхаю, прикрывая глаза. Может быть, удастся разобраться с материаловедением быстрее?

Тем более, что совершенно не понятно, что задумал Ройх. У него на руках – информация обо мне. Лютейший компромат. Пока он молчит, но нет никаких гарантий, что он будет делать это дальше. И если я все равно, не сегодня так завтра, вылечу из универа – то какая мне разница, сдан у меня курсовик или нет? А деньги, которые мне занимает Анька – их и правда ведь надо как-то вернуть. Не вернуть – так отработать.

– Скинь мне свой листочек с заданием.

Лицо подруги будто солнцем освещается. Она тут же хватается за телефон, вытягивает из сумки затребованный мной листочек.

– Сколько времени у тебя это займет? – спрашивает, во

время отправки фоточки мне в мессенджер.

– Не знаю, – виновато поджимаю губы, – я еще свой не делала. Я пишу с нуля, ты же знаешь. Брать у прошлых курсов старые курсовики – это вообще не мой вариант.

– Ты просто гений, Катена, – Анька посылает мне воздушный поцелуйчик, бросает взгляд на гламурные часики на запястье, – ох, прости, там за мной, наверно, уже Илюха приехал. У него такая туса на вечер намечается, а я еще не переделась.

– Беги, беги, не жди меня, я все равно прямо сейчас в общагу поеду, –жимаю плечами.

– Ну, Катя, – подружка тянется ко мне, виснет на шее, складывает губы для поцелуя, – давай ты с нами пойдешь? Ты столько времени с нами не оттягивалась!

– Извини, много работы, – с сожалением покачиваю головой. Да и не хочется мне ей рассказывать, что пришлось распродать через мешок все мало-мальски сносные для тусовки платья. Для выступлений в клубе ведь тоже нужны были наряды. Платила за них сама. И пошлые дешевые “горничные” тут не каналы.

– Ну ладно, – Анька строит мне щенячьи глазки, и так не дотянувшись до меня губами, чмокает воздух и стартует в сторону выхода.

Понимаю. Илюха ждать не любит.

Бросаю взгляд в конец коридора – вижу там Ройха. Стоит у двери в преподавательскую, смотрит на меня. На губах та-

кая презрительная усмешка – хоть наизнанку выворачивайся.

Я отворачиваюсь. Быстро, торопливо сгребаю с подоконника курсовик и тетрадь с конспектами и тоже бросаюсь прочь из универа. Убегаю правда недалеко. На верхней ступеньке высокого крыльца налетаю на шагнувшего мне наперез парня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.